

Понятия позитивной и ретроспективной юридической ответственности в современной теории права

С. В. Архипов

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье проводится сравнительный анализ понятий позитивной и ретроспективной юридической ответственности. Обоснование взаимосвязи этих понятий признается одной из актуальных проблем теории юридической ответственности и общей теории права.

Показывается многообразие подходов к теории позитивной ответственности, ее взаимосвязь с правосознанием, что позволяет считать позитивную ответственность как систему ценностных и психологических предпосылок формирования модели правомерного поведения.

Делается вывод об отсутствии логической связи между понятиями «позитивная ответственность» и «ретроспективная юридическая ответственность», что делает невозможным построение единой теории юридической ответственности.

Ключевые слова: юридическая ответственность, позитивная ответственность, ретроспективная юридическая ответственность, правонарушение.

Для цитирования: Архипов С.В. Понятия позитивной и ретроспективной юридической ответственности в современной теории права // Ленинградский юридический журнал. – 2022. – № 3 (69). – С. 6–21. DOI 10.35231/18136230_2022_3_6

The concepts of positive and retrospective legal responsibility in the modern theory of law

Sergei V. Arkhipov

Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

The article provides a comparative analysis of the concepts of positive and retrospective legal liability. The substantiation of the interrelation of these concepts is recognized as one of the urgent problems of the theory of legal responsibility and the general theory of law.

The author describes the variety of approaches to the theory of positive responsibility, its relationship with legal consciousness, which allows us to consider positive responsibility as a system of value and psychological prerequisites for the formation of a model of lawful behavior.

The article concludes that there is no logical connection between the concepts of «positive responsibility» and «retrospective legal responsibility», which makes it impossible to build a unified theory of legal responsibility.

Key words: legal responsibility, positive responsibility, retrospective legal responsibility, offense.

For citation: Arkhipov, S.V. (2022) Ponyatiya pozitivnoi i retrospektivnoi yuridicheskoi otve-tstvennosti v sovremennoi teorii prava [The concepts of positive and retrospective legal responsibility in the modern theory of law]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No 3 (69). pp. 6–21. (In Russian). DOI 10.35231/18136230_2022_3_6

Стремление правоведов понимать такое значимое для общества явление, как юридическая ответственность одной из важнейших социально-правовых ценностей закономерно приводит к появлению теорий, интерпретирующих этот феномен в универсальном ключе. Таковой является теория позитивной ответственности. Согласно этому подходу, предлагается различать два вида (формы) юридической ответственности: позитивную (проспективную) юридическую ответственность, оказывающую воздействие на правомерное поведение субъекта права, и ответственность ретроспективную (негативную), возникающую в связи с совершенным правонарушением [13, с. 8]. Вместе с тем позиция целого ряда правоведов сводится к тому, что подобное широкое понимание юридической ответственности приводит к смешению правовой природы ответственности с неправовыми явлениями – моралью, политикой, ценностями, культурой [1, с. 117]. Критики позитивной юридической ответственности указывают на невозможность на базе этого подхода создать стройную и логичную теорию юридической ответственности [3, с. 53], а сам подход воспринимают как деструктивный и антиправовой [19, с. 73]. По мнению Н. Н. Черногора, причина теоретической проблемы понимания юридической ответственности в «отсутствии системности в понятийном ряду», откровенных подменах понятий, которые «авторы нередко допускают в своих исследованиях, что, в свою очередь, разрушает основы общей теории правонарушения и юридической ответственности» [29, с. 108].

Актуальность дискурса юридической ответственности обусловлена необходимостью четкого различения понятий «социальная ответственность», «моральная ответственность» и «юридическая ответственность». Очевидно, что предполагаемый вывод будет во многом зависеть от методологии, которой придерживается исследователь, а значит, спор между сторонниками и противниками теории позитивной ответственности является спором методологических подходов, сквозь призму которых воспринимается феномен юридической ответственности. Проанализируем основные подходы.

Понятие ретроспективной юридической ответственности.

Классический подход к понятию юридической ответственности предполагает, что явление, стоящее за этим понятием

ем, выступает одним из следствий правонарушения. Это означает реализацию принципа индивидуализации юридической ответственности, т. е. «учет характера и тяжести совершенного правонарушения, социальные и индивидуальные психофизические особенности личности виновного, степень его вины...» [6, с. 23] при осуществлении карательной функции юридической ответственности [7]. Многогранность этого явления позволяет представителям различных правовых школ интерпретировать понятие ретроспективной юридической ответственности по-разному.

В рамках этатистского (легистского) похода названное понятие интерпретируется как реакция государства на противоправные действия правонарушителя. Юридическая ответственность зачастую понимается как меры государственного принуждения, применяемые к правонарушителю [2, с. 51]. Тем самым происходит редуцирование юридической ответственности (наряду с другими правовыми явлениями) к государственной деятельности, что позволяет говорить о высокой степени определенности содержания самого понятия. Однако, помимо несомненных достоинств, необходимо отметить и недостатки этого подхода. Главный недостаток: конкретизация содержания юридической ответственности напрямую зависит от произвола государства и никак не связана с понятием социальной справедливости [9, с. 44–46]. Сторонник этого подхода может возразить, утверждая, что деятельность государства обусловлена интересами социальных групп (классов), а значит, не может быть полностью произвольна. Но в этом случае, если государство трактуется как инструмент реализации интересов общества (или его части), понятие юридической ответственности необходимо раскрывать через другие, более значимые признаки. Критикуя указанный подход, П. П. Серков пишет, что не всегда можно говорить о мерах именно государственного принуждения. Так, в дисциплинарной ответственности принуждение исходит от работодателя, действующего от своего имени [25, с. 42–43]. По-видимому, это обстоятельство делает невозможным трактовку юридической ответственности исключительно как меры государственного принуждения. Таким образом, сведение юридической ответственности к мерам государственного принуждения представляется односторонним подходом, полностью не раскрывающим содержание понятия.

Социологический подход к понятию ретроспективной юридической ответственности предлагает понимать анализируемое явление как относительное конкретное правоотношение между правонарушителем и государством в лице правоохранительных органов. Каждая сторона этого правоотношения обладает своими правами и обязанностями, корреспондирующимися с правами и обязанностями другой стороны. Достоинством этого подхода является «включенность» правового положения правонарушителя в содержание юридической ответственности. Таким образом, юридическая ответственность понимается как особый тип социально-правовой коммуникации, а в широком смысле – как определенный аспект диалога государства и представителя общества. Однако и этот подход не лишен недостатков. Основной из них: форма, в которой представлен феномен юридической ответственности, выдается за само содержание этого феномена. Очевидно, что юридическая ответственность выражается в форме правоотношений. Но указание только лишь на форму не позволяет установить существенные признаки содержания этого понятия. В этом случае теория юридической ответственности становится специфической частью теории правоотношений.

Иной подход к понятию юридической ответственности связан с обязанностью правонарушителя претерпевать неблагоприятные последствия за совершенное правонарушение. Тем самым происходит исправление деформации правосознания правонарушителя, формируются установки на правомерное поведение. Однако интерпретация столь масштабного явления как ретроспективная юридическая ответственность исключительно как обязанность правонарушителя обедняет наше представление об этом феномене. Как представляется, понятие юридической ответственности более полно раскрывается через указание его значения для общества и государства, а значит, различные аспекты этого многогранного явления представлены деятельностью государства [23, с. 19–20; 24, с. 25–28] и указанием на изменение нормального хода общественных отношений. Как справедливо указывает В. О. Миронов, основная цель юридической ответственности – поддержание общественного порядка [20, с. 69]. Видимо, именно осознание масштаба этого явления способствовало увеличению сторонников теории позитивной юридической ответственности. Рассмотрим понятие последней.

Позитивная (проспективная) юридическая ответственность

Данный подход к понятию юридической ответственности не связывает это явление с правонарушением и соответствующими мерами государственного принуждения. По мнению сторонников этой теории, введение в научный оборот понятия позитивной юридической ответственности позволит не рассматривать юридическую ответственность в неразрывной связи с наказанием [26, с. 59] и обогатит ее понимание новыми гранями [4, с. 25]. Существует несколько подходов к пониманию позитивной юридической ответственности. В одном случае, указанный феномен понимается как один из элементов правового статуса личности, характеризующийся необходимостью надлежащего исполнения индивидом своих обязанностей (Н. И. Матузов) [5, с. 47]. В таком контексте позитивная юридическая ответственность понимается не как нормативно установленная юридическая обязанность, а как принцип или презумпция надлежащего исполнения таких обязанностей. Данное понимание юридической ответственности возможно, однако представляется необоснованным обособление среди множества принципов и презумпций в праве тех, которые в совокупности будут именоваться позитивной юридической ответственностью. В этом случае любой принцип, осознаваемый как должностное, может считаться юридической ответственностью.

Психологическая теория позитивной ответственности предлагает понимание природы этого феномена как осознание долга, предписаний, реализуемых в дальнейшем в правомерном поведении (Ф. Н. Фаткуллин) [27, с. 131–132], или как «специфическое качество субъекта» (Ю. Н. Радачинский, А. В. Курочкин) [22, с. 53]. В этом случае содержание позитивной юридической ответственности становится весьма неопределенным. Любая конкретизация осознаваемого долга, предписаний заведомо не может охватывать всех нормативных положений, а также допускает ошибочные и искаженные толкования правовых норм [11]. Очевидно, что даже правомерное поведение может основываться на искаженном восприятии правовых предписаний. В этом подходе позитивная юридическая ответственность полностью или частично отождествляется с правосознанием, что вызывает вопрос о необходимости введения дополнительного термина.

Теория позитивной юридической ответственности возникла в советской юриспруденции в 50–60-е гг. прошлого века по причине идеологизации всех существовавших в то время гуманитарных наук. Сквозь призму такого подхода позитивная юридическая ответственность воспринималась как мотив, установка на правомерное поведение, а ретроспективная юридическая ответственность – как реакция на правонарушение и деформацию правового сознания правонарушителя. По нашему мнению, выделение идеологического компонента в правосознании возможно вне всякой связи с теорией юридической ответственности, а установление такой связи представляется весьма проблематичным.

Утверждая существование позитивной юридической ответственности, сторонникам этой теории следует предложить критерии отграничения этого явления от множества других. Например, если эффективность действия правового института ретроспективной юридической ответственности может характеризоваться через соотношение между результатом и поставленной целью [8, с. 91–92], то неопределенность содержания позитивной юридической ответственности вовсе не позволяет оценить этот феномен.

В рамках социологического подхода позитивную юридическую ответственность понимают как общее правоотношение (Н. Н. Черногор) [5, с. 49], но, как и в случае с ретроспективной юридической ответственностью, форма здесь явно подменяет содержание.

Существующие трактовки позитивной юридической ответственности как обязанности исполнять требования правовых норм (Б. Т. Базылев, Д. А. Липинский, А. Г. Шишкин, Р. Л. Хачатуров) [27, с. 133; 17, с. 35] являются попыткой неправую моральную обязанность члена общества трактовать как юридическую обязанность. Особого внимания заслуживает позиция Р. Л. Хачатурова и Д. А. Липинского, предлагающих комплексное понимание позитивной и ретроспективной форм юридической ответственности. По их мнению, юридическая ответственность представлена в двух значениях: 1) как правовой институт; 2) «как правовое явление, производное от правового воздействия норм юридической ответственности, включающее в себя субъективные юридические обязанности, правомерное поведе-

ние, правоотношения, осуждение и реальное претерпевание правонарушителем неблагоприятных последствий» [27, с. 227].

Вся предлагаемая Р. Л. Хачатуровым и Д. А. Липинским теория строится на обосновании взаимосвязи этих двух составляющих юридической ответственности. Покажем проблемные положения этого обоснования.

Анализируя правовой институт юридической ответственности, указанные авторы отмечают, что нормы, его составляющие, можно трактовать не только как запрещающие, но и как обязывающие, поскольку, помимо запрета на противоправное поведение, любая такая норма подразумевает модель обязательного правомерного поведения [27, с. 210]. Следовательно, считают авторы, институт юридической ответственности выполняет как охранительную функцию, связанную с защитой прав и законных интересов субъектов права, так и регулятивную функцию, ориентированную на правомерное поведение [27, с. 228]. В этом случае запретительный аспект института юридической ответственности и связанная с ним правоохранительная функция относятся к ретроспективной юридической ответственности, в то время как обязывающая сторона правового института и осуществляемая на его основе регулятивная функция относятся к позитивной юридической ответственности (авторы используют термин «добровольная юридическая ответственность») [27, с. 198–235]. В качестве примера позитивной юридической ответственности Р. Л. Хачатуров и Д. А. Липинский приводят уголовно-правовую норму «оставление в опасности». Как считают авторы, помимо запрета, данная норма подразумевает модель активного правомерного поведения (оказание помощи), а значит, осуществляется правовое регулирование этой сферы общественных отношений. Данный аспект института юридической ответственности конструирует обязанность осуществления юридических требований, реализующуюся в правомерном поведении субъекта права.

Позиция Р. Л. Хачатурова и Д. А. Липинского строится на утверждениях, с которыми трудно согласиться. Прежде всего необходимо отметить четкое различие запретительных и обязывающих норм, что оспаривается названными авторами. Так, нормы института юридической ответственности по своему назначению являются охранительными нормами, а по способу правового воздействия – запретительными.

Оказываемое при этом правовое воздействие на правомерное поведение субъектов права носит *нецеленаправленный* характер, а следовательно, не является примером правового регулирования (*целенаправленного* правового воздействия на общественные отношения и правомерное поведение субъектов права). Нецеленаправленное правовое воздействие запретительных норм юридической ответственности может носить информационный, ценностный характер, тем самым создавая неправовые стимулы (мотивы) для правомерного поведения. При этом запретительная охранительная норма не создает конкретную модель правомерного поведения, формирование таких моделей – задача регулятивных норм.

Следовательно, невозможно характеризовать позитивную юридическую ответственность как положительное последствие правомерного поведения [28, с. 5]. Такие последствия – результат реализации не норм юридической ответственности, а других правовых институтов. Используя пример Р. Л. Хачатурова и Д. А. Липинского, отметим, что уголовно-правовая норма «оставление в опасности» не предполагает конкретной модели (правила) правомерного поведения. Так, если десять прохожих обнаружили лежащего на тротуаре без сознания человека, только один из них может совершать активные действия по оказанию разумной и достаточной помощи. Однако действия всех без исключения прохожих квалифицируются как правомерные, т. е. конкретная модель правомерного поведения (активного или пассивного) в охранительной норме отсутствует, а следовательно, не возникает обязанности ее реализации. Юридическая ответственность по своей природе нормативна [14, с. 8–9]. Отсутствие связанной с институтом юридической ответственности нормативности в правомерном поведении не позволяет называть это явление каким-либо видом юридической ответственности, говорить об индивидуализации позитивной юридической ответственности [15] или мерах такой ответственности [17]. Правомерное поведение прохожих соотносится с регулятивными нормами, не относящимися к институту юридической ответственности. По этой же причине необоснованным представляется утверждение Д. А. Липинского и А. А. Мусаткиной о взаимосвязи общерегулятивных правоотношений и позитивной юридической ответственности [16].

Отсутствие взаимосвязи охранительных норм с конструированием юридических обязательств и их реализации в право-

мерном поведении субъектов права не позволяет утверждать наличие позитивной юридической ответственности. Поэтому, невозможно согласиться с мнением И. А. Кузьмина, определяющего ретроспективную юридическую ответственность как реализацию позитивной ответственности [10, с. 2].

Для определения собственного отношения к теории юридической ответственности необходимо проанализировать более широкое понятие – «социальная ответственность». Нередко авторы используют это понятие, указывая, что позитивная и ретроспективная юридическая ответственность выступают разновидностями социальной ответственности. Таким образом, взаимосвязь обеих форм юридической ответственности обосновывается через их отношение к социальной ответственности.

Понятие социальной ответственности

Данное понятие, в зависимости от контекста, используется в разных значениях. Как указывает А. М. Маторин, распространение всех свойств социальной ответственности на юридическую ответственность привело в советский период отечественной юриспруденции к теории двух форм юридической ответственности [18, с. 161]. Прояснение этих значений помогает понять позицию конкретного ученого относительно природы юридической ответственности. Первый подход предлагает понимать социальную ответственность как внутреннее качество индивида, обособленный компонент его сознания. Русский философ И. А. Ильин называл такой элемент нашего сознания «предварительной ответственностью». «Предварительная ответственность, – писал И. А. Ильин, – есть живое чувство предстояния и призванности, стремление к совершенствованию. Еще не совершив поступка, человек уже знает о своей ответственности» [27, с. 15].

Категорический императив Канта также можно трактовать как социальную ответственность в этом значении. В этом смысле социальную ответственность можно понимать как осознание этического принципа и сформировавшихся психологических установок. Когда мы характеризуем конкретного индивида как «человека ответственного», в первую очередь речь идет о внутренних качествах человека, уровне его личности. Оче-

видно, что в этом значении понятие социальной ответственности не находится в логической связи с понятием юридической ответственности, которая воспринимается как часть существующей социально-правовой действительности. В этом случае внутреннее осознание человеком своего долга (обязанности) является *неправовым* стимулом (мотивом) правомерного поведения, а попытки раскрыть понятие позитивной ответственности через такое понимание социальной ответственности доказывают неправовую природу этого феномена. Сторонники теории позитивной ответственности стремятся в любом контексте понимать ответственность в юридическом значении. Так, Д. А. Липинский цитирует преамбулу Конституции Российской Федерации, в которой указывается, что конституционный акт принимается «исходя из ответственности за свою родину перед нынешними и будущими поколениями...» [12, с. 30]. По мнению Д. А. Липинского, в данном случае речь идет о позитивной юридической ответственности. С этим трудно согласиться. Очевидно, что понятие ответственности здесь используется в значении неюридическом – как общественный долг, общественное служение, а не как юридическая обязанность.

Другим значением социальной ответственности можно считать понимание этого явления как компонента общественного сознания, т.е. как комплекс идей, принципов, эмоций долженствования человека по отношению к обществу и себе самому. И здесь можно констатировать отсутствие логической связи понятий социальной ответственности и юридической ответственности. Юридическая ответственность – не идея, а социальный и нормативный феномен, представленной реальностью социальных взаимодействий.

Третьим значением социальной ответственности является ответственность индивида как члена общества за нарушение социальных норм (моральных, политических, религиозных, корпоративных, правовых и т.д.) Только в этом случае можно говорить о юридической ответственности как разновидности социальной ответственности. Однако при этом позитивная ответственность не будет восприниматься как разновидность социальной ответственности.

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что позитивная ответственность и ретроспективная юридическая ответственность не являются разновидностями социальной

ответственности в одном конкретном значении. Только смешение двух значений социальной ответственности позволило Р. Л. Хачатурову и Д. А. Липинскому утверждать о наличии родовидовых отношений между понятиями «социальная ответственность», «позитивная ответственность» и «ретроспективная ответственность» [27, с. 13–49], тем самым обосновывая юридическую природу позитивной ответственности.

Проведенный анализ понятий позитивной ответственности и ретроспективной юридической ответственности позволяет утверждать неправой характер феномена позитивной ответственности. Значение позитивной ответственности заключается в формировании индивидом психологических установок на правомерное поведение, осознании своей духовно-нравственной связи с обществом и государством, стремлением личностного роста в контексте социально-исторической действительности.

Понимание ретроспективной юридической ответственности (единственно возможной *юридической* ответственности), по нашему мнению, должно отражать многогранность, системность этого феномена, не сводимого к одному аспекту социальной действительности [21]. Постоянное уточнение пределов юридической ответственности [30, с. 25], позволяет понимать это явление как сложную динамичную саморазвивающуюся систему нормативно обусловленных социальных взаимодействий – диалогическую взаимосвязь соответствующего правового института с правоприменительной практикой государственного принуждения, направленной на гармонизацию общественных отношений и создание правовых условий реализации прав и свобод личности.

Список литературы

1. Баранов В.А. Понятие юридической ответственности // Вестник Тамбовского университета. – 2007. – №2. – С. 115–119.
2. Болдырев С.Н. Юридическая техника определения юридической ответственности в советском праве // Аграрное и земельное право. – 2016. – № 6(38). – С. 51–54.
3. Бредихин А.Л. К теории юридической ответственности // Философия права. – 2021. – №3 (98). – С. 52–55.
4. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. – М.: Изд.-во РАП, 2008. – 304 с.

5. Захаров Д.Е. О позитивной юридической ответственности // Российское право: образование, практика, наука. – 2018. – №4 (106). – С. 46–55.
6. Иванов А.А. Индивидуализация юридической ответственности. Правовые и психологические аспекты. – М.: Экзамен, 2003. – 192 с.
7. Кабанов П.А. Соотношение карательной и регулятивной функции юридической ответственности // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. – 2010. – №74. – С. 22–27.
8. Калашеева О.М. Проблемы эффективности юридической ответственности // Вестник науки. – 2018. – №9. – С. 91–92.
9. Краснощек Е.И. Юридическая ответственность и социальная справедливость // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. – 2006. – №25. – С. 44–47.
10. Кузьмин И.А. Реализация позитивной юридической ответственности // Вопросы безопасности. – 2020. – №3. – С. 1–18.
11. Кушнер И.В. Причины дисбаланса юридической ответственности: технико-юридический аспект // Вестник СГЮА – 2019. – № 6. – С. 48–53.
12. Липинский Д.А. Макроуровень института юридической ответственности // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. – №1. – С. 25–44.
13. Липинский Д.А. Позитивная юридическая ответственность в системе юридической ответственности // Правовое государство: теория и практика. – 2017. – №3 (49). – С. 7–15.
14. Липинский Д.А. Юридическая ответственность и безответственность как парные юридические категории // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2019. – №2 (48). – С. 6–24.
15. Липинский Д.А., Мусаткина А.А. Критерии индивидуализации юридической ответственности // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – №3 (39). – С. 17–22.
16. Липинский Д.А., Мусаткина А.А. Общерегулятивные отношения и юридическая ответственность // Ex iure. – 2020. – №4. – С. 23–36.
17. Липинский Д.А., Шишкин А.Г. Меры позитивной юридической ответственности // Правоведение. – 2013. – №1 (306). – С. 33–44.
18. Маторин А.М. Юридическая ответственность как правовая категория // Вестник национального института бизнеса. – 2019. – №37. – С. 159–165.
19. Мильков А.В. Заметки к вопросу о разработке теории юридической ответственности // Образование и право. – 2020. – № 1. – С. 71–79.
20. Миронов В.О., Зин Н.В. О юридической ответственности // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 12 (192). – С. 69–71.
21. Прокопович Г.А. Юридическая ответственность как релевантная система // Вестник экономической безопасности. – 2021. – №3. – С. 30–33.
22. Радачинский Ю.Н., Курочкин А.В. О понимании меры юридической ответственности // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2019. – №2. – С. 53–56.
23. Романова В.В. Соотношение юридической ответственности государства с иными видами юридической ответственности. // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2017. – №3 (41). – С. 19–23.
24. Романова В.В. Юридическая ответственность государства // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2016. – №3 (37). – С. 23–30.
25. Серков П.П. О понятии юридической ответственности. // Журнал российского права. – 2010. – №8 (164). – С. 42–49.
26. Степанова В.В. К вопросу о понятии юридической ответственности // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2015. – №5. – С. 55–60.

27. Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности // СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. – 950 с.
28. Цишковский Е.А. Юридическая ответственность в правомерном поведении // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2009. – №4. – С. 4–14.
29. Черногор Н.Н. О теоретических проблемах юридической ответственности // Журнал российского права. – 2006. – №5. – С. 105–109.
30. Чернявский А.Г. Социальные основания изменения пределов юридической ответственности // Вестник Академии права и управления. – 2015. – №1 (38). – С. 25–31.

References

1. Baranov, V.A. (2007) Ponyatie yuridicheskoi otvetstvennosti [The concept of legal responsibility] // *Vestnik Tambovskogo universiteta*. No 2. pp. 115–119. (In Russian).
2. Boldirev, S.N. (2016) Yuridicheskaya tehnika opredeleniya yuridicheskoi otvetstvennosti v sovetskom prave [Legal technique for determining legal liability in Soviet law] // *Agrarnoe i zemelnoe pravo*. No 6 (38). pp. 51–54. (In Russian).
3. Bredihin, A.L. (2021) K teorii yuridicheskoi otvetstvennosti [Towards the theory of legal responsibility] // *Filosofiya prava*. No 3 (98). pp. 52–55. (In Russian).
4. Vitruk, N.V. (2008) *Obschaya teoriya yuri-dicheskoi otvetstvennosti* [General theory of legal responsibility]. Moskva: Izd.-vo RAP. 304 p. (In Russian).
5. Zaharov, D.E. (2018) O pozitivnoi yuridicheskoi otvetstvennosti [About positive legal responsibility] // *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*. No 4(106). pp. 46–55. (In Russian).
6. Ivanov, A.A. (2003) *Individualizaciya yuridicheskoi otvetstvennosti. Pravovie i psihologicheskie aspekti* [Individualization of legal responsibility. Legal and psychological aspects]. Moskva: Ekzamen. 192 p. (In Russian).
7. Kabanov, P.A. (2010) Sootnoshenie karatelnoi i regulyativnoi funkcii yuridicheskoi otvetstvennosti [Correlation of punitive and regulatory functions of legal responsibility] // *Vestnik Voljskogo universiteta imeni V.N. Tatischeva*. No 74. pp. 22–27. (In Russian).
8. Kalasheeva, O.M. (2018) Problemi effektivnosti yuridicheskoi otvetstvennosti [Problems of effectiveness of legal liability] // *Vestnik nauki*. No 9. pp. 91–92. (In Russian).
9. Krasnoschek, E.I. (2006) Yuridicheskaya otvetstvennost i socialnaya spravedlivost [Legal responsibility and social justice] // *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskii region*. No 25. pp. 44–47. (In Russian).
10. Kuzmin, I.A. (2020) Realizaciya pozitivnoi yuridicheskoi otvetstvennosti [Implementation of positive legal responsibility] // *Voprosi bezopasnosti*. No 3. pp. 1–18. (In Russian).
11. Kushnir, I.V. (2019) Prichini disbalansa yuridicheskoi otvetstvennosti: tekhniko-yuridicheskii aspekt [Reasons for the imbalance of legal responsibility: technical and legal aspect] // *Vestnik SGYuA*. No 6. pp. 48–53. (In Russian).
12. Lipinskii, D.A. (2019) Makrouroven instituta yuridicheskoi otvetstvennosti [Macro level of the Institute of Legal Responsibility] // *Pravo. Jurnal Visshei shkoli ekonomiki*. No 1. pp. 25–44. (In Russian).
13. Lipinskii, D.A. (2017) Pozitivnaya yuridicheskaya otvetstvennost v sisteme yuridicheskoi otvetstvennosti [Positive legal responsibility in the system of legal responsibility] // *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*. No 3(49). pp. 7–15. (In Russian).

14. Lipinskii, D.A. (2019) Yuridicheskaya otvetstvennost i bezotvetstvennost kak parnie yuridicheskie kategorii [Legal responsibility and irresponsibility as paired legal categories] // *Yuridicheskaya nauka i pravohranitel'naya praktika*. No 2 (48). pp. 6–24. (In Russian).

15. Lipinskii, D.A., Musatkina, A.A. (2017) Kriterii individualizatsii yuridicheskoi otvetstvennosti [Criteria for individualization of legal responsibility] // *Yuridicheskaya nauka i praktika. Vestnik Nijegorodskoi akademii MVD Rossii*. No 3 (39). pp. 17–22. (In Russian).

16. Lipinskii, D.A., Musatkina, A.A. (2020) Obscheregulyativnie otnosheniya i yuridicheskaya otvetstvennost [General regulatory relations and legal responsibility] // *Ex jure*. No 4. pp. 23–36. (In Russian).

17. Lipinskii, D.A., Shishkin, A.G. (2013) Meri pozitivnoi yuridicheskoi otvetstvennosti [Measures of positive legal responsibility] // *Pravovedenie*. No 1 (306). pp. 33–44. (In Russian).

18. Matorin, A.M. (2019) Yuridicheskaya otvetstvennost kak pravovaya kategoriya [Legal liability as a legal category] // *Vestnik nacionalnogo instituta biznesa*. No 37. pp. 159–165. (In Russian).

19. Milkov, A.V. (2020) Zametki k voprosu o razrabotke teorii yuridicheskoi otvetstvennosti [Notes on the development of the theory of legal responsibility] // *Obrazovanie i pravo*. No 1. pp. 71–79. (In Russian).

20. Mironov, V.O., Zin, N.V. (2020) O yuridicheskoi otvetstvennosti [About legal responsibility] // *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. No 12 (192). pp. 69–71. (In Russian).

21. Prokopovich, G.A. (2021) Yuridicheskaya otvetstvennost kak relevantnaya sistema [Legal liability as a relevant system] // *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti*. No 3. pp. 30–33. (In Russian).

22. Radachinskii, Yu.N., Kurochkin, A.V. (2019) O ponimanii meri yuridicheskoi otvetstvennosti [On understanding the measure of legal responsibility] // *Severo-Kavkazskii yuridicheskii vestnik*. No 2. pp. 53–56. (In Russian).

23. Romanova, V.V. (2017) Sootnoshenie yuridicheskoi otvetstvennosti gosudarstva s nimi vidami yuridicheskoi otvetstvennosti [Correlation of the legal responsibility of the state with other types of legal responsibility] // *Yuridicheskaya nauka i pravohranitel'naya praktika*. No 3 (41). pp. 19–23. (In Russian).

24. Romanova, V.V. (2016) Yuridicheskaya otvetstvennost gosudarstva [Legal responsibility of the State] // *Yuridicheskaya nauka i pravohranitel'naya praktika*. No 3 (37). pp. 23–30. (In Russian).

25. Serkov, P.P. (2010) O ponyatii yuridicheskoi otvetstvennosti [About the concept of legal responsibility] // *Jurnal Rossiiskogo prava*. No 8 (164). pp. 42–49. (In Russian).

26. Stepanova, V.V. (2015) K voprosu o ponyatii yuridicheskoi otvetstvennosti [On the question of the concept of legal responsibility] // *Probeli v rossiiskom zakonodatel'stve. Yuridicheskii jurnal*. No 5. pp. 55–60. (In Russian).

27. Hachaturov, R.L. Lipinskii, D.A. (2007) *Obschaya teoriya yuridicheskoi otvetstvennosti* [General theory of legal responsibility]. Sankt Peterburg: Yuridicheskii centr Press. 950 p. (In Russian).

28. Cishkovskii, E.A. (2009) Yuridicheskaya otvetstvennost v pravomernom povedenii [Legal responsibility in lawful behavior] // *Yuridicheskaya nauka i pravohranitel'naya praktika*. No 4. pp. 4–14. (In Russian).

29. Chernogor, N.N. (2006) O teoreticheskikh problemakh yuridicheskoi otvetstvennosti [On the theoretical problems of legal responsibility] // *Jurnal Rossiiskogo prava*. No 5. pp. 105–109. (In Russian).

30. Chernyavskii, A.G. (2015) Socialnie osnovaniya izmeneniya predelov yuridicheskoi otvetstvennosti [Social grounds for changing the limits of legal liability] // *Vestnik Akademii prava i upravleniya*. No 1 (38). pp. 25–31. (In Russian).

Об авторе

Архипов Сергей Владимирович, кандидат юридических наук, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-3337-0505, e-mail: forest109@mail.ru

About the author

Sergei V. Arkhipov, Cand. Sci. (Law), Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0002-3337-0505, e-mail: forest109@mail.ru

Поступила в редакцию: 11.07.2022
Принята к публикации: 31.08.2022
Опубликована: 30.09.2022

Received: 11 July 2022
Accepted: 31 August 2022
Published: 30 Sept. 2022